

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XXI ВВ.

К юбилею С.И.Ожегова

Юбилей С.И.Ожегова – известного российского лингвиста и лексикографа, создателя однотомного словаря русского языка, побуждает не только лингвистов, но и литературоведов поразмышлять о том, что же такое лексикография – как с профессиональной, так и с более общей – филологической и культурологической точки зрения, какое место занимает в ней Словарь и насколько его материалы способны раскрыть для нас и особенности языка, на котором мы говорим, и особенности самой нашей жизни.

Сам момент создания словаря как особого рода текста, как жанра филологического высказывания, представляется очень характерным. Его рождение происходит в разных национальных культурах в разные хронологические периоды, но с точки зрения хронологии литературных эпох и типов художественного сознания¹ все эти даты относятся к эпохе рефлексивного традиционализма (если рассматривать ее границы на примере европейской филологической традиции – периода от античности до рубежа XVIII-XIX вв., т.е. до времени окончательного расставания с наследием классицизма). Среди отличительных признаков этой эпохи – особое отношение к слову как устойчивому, закрепленному традицией, «правильному» – что в целом отвечало духу главной филологической задачи эпохи: созданию «правильного» (нормативного) литературного языка. Если говорить о русской филологической традиции, решение этой задачи было результатом усилий в первую очередь М.В.Ломоносова («Российская грамматика» – «Риторика» – «Предисловие о пользе книг церковных в

¹ Подробнее об этом см.: Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3-38.

русском языке»), а во второй половине XVIII столетия – коллективных усилий филологов и литераторов – составителей «Словаря академии российской», публикация которого стала важнейшей вехой в развитии не только русской лексикографии, но и всей русской культуры в целом.

Начало «словарной» эпохи в культуре означало оформление совершенно нового филологического мышления, нового отношения к слову, которое впервые в эпоху Нового времени начинало осмысляться как феномен, как органическое целостное явление; начинают изучаться происхождение слова, сфера его употребления, специфика стилевой окраски. Из простого инструмента выражения мысли слово становится предметом самостоятельного интереса – и филологического, и эстетического, и культурологического.

Последний аспект и представляется особенно интересным в связи с заявленной темой. Дело в том, что уже в XVIII в. помимо собственно «серьезных» филологических трудов, решавших общую задачу выработки норм для литературного языка, создавались статьи, воспроизводившие общий вид и структуру лексикографических (и шире – филологических) сочинений, однако выполнявших иную, в первую очередь социально-оценочную и культурологическую функцию. Чаще всего они носили сатирический характер, но в ряде случаев («Опыт российского сословника» Д.И.Фонвизина) выходили за эти пределы и становились специфической формой размышления о нравах и обычаях современного общества в целом, без установки на обязательное осуждение². Называть такие сочинения «писательской лексикографией», возможно, не совсем корректно; в данном случае задача состояла в том, чтобы отделить подобные «опыты» от собственно филологических лексикографических трудов, получавших затем формальное словарное завершение.

² Подобные сочинения до сих пор не собраны и не исследованы. Единственное обращение к ним – книга Ю.В.Стенника Русская сатирическая проза XVIII в. – Л., 1986. С. 143-194.

Целью подобной «писательской лексикографии» было уловить специфику словоупотребления определенных культурно-социальных групп, специфику словесного обозначения неких знаковых явлений действительности – и сделать выводы о том, что подобный словарный материал может рассказать о современниках. Филологическая мысль XVIII в. не знала сосюрговской дихотомии «язык – речь», однако интуитивно осознавала, что реальное, практическое употребление слова может уводить его довольно далеко от тех закрепленных словарями значений, которые могут казаться неизблемыми с точки зрения нормативной тенденции; пусть «язык» защищен от возможных опасностей своей системностью и усилиями нормализаторов – речь, реальная, практическая форма *осуществления* языка в каждом акте словоупотребления подвержена множеству влияний (и в том числе опасностей); с языком ничего случиться не может – все случается с речью, а значит, с нами.

Наиболее ярко и последовательно эта мысль прозвучала в 1772 г. на страницах журнала Н.И.Новикова «Живописец», где в качестве приложения к т.н. «сатирическим письмам» мнимых читательниц журнала – «щеголих» – был помещен «Опыт модного словаря щегольского наречия»³. Суть его составитель видел в том, чтобы, представив читателям журнала «щегольское наречие», указать на особенности мировоззрения тех людей, которые на нем говорят, выявить возможные духовные «сдвиги», свидетельствующие о нравственном состоянии определенной группы современников – а фактически, об общественной тенденции. «Опыт словаря...» отвечал общей эстетической установке сатирических журналов Новикова – представлять порок как можно более узнаваемым, в формах, хорошо знакомых читателям, «живописать» недостатки таким образом, чтобы люди могли разглядеть в изображении конкретные лица, в том числе самих себя. Поэтому предисловие к «опыту» не содержало подчеркнуто дидактических,

³ Мнения исследователей об авторстве этого сочинения различны; существует традиция приписывать его как Н.И.Новикову, так и Д.И.Фонвизину.

осуждающих высказываний; это всего лишь возможность лучше понять язык, на котором говорят многие современники и который, тем не менее, отличается от общеупотребительного. Словарные статьи строились по образцу «Словаря академии российской» (заметим, что в этом смысле «Опыт модного словаря...» был наиболее «серьезным» с точки зрения сохранения формальных особенностей; другие известные словари – «Опыт вещественного русского словаря» неизвестного автора⁴ и «Отрывок толкового словаря» Я.Б.Княжнина⁵ куда более краткие и ближе по структуре к современным пародийным «бестолковым словарям» разного рода). Вначале давалось толкование слова – как в общеупотребительном языке, так и в «щегольском наречии», а затем примеры «старого» и «нового» его употребления. Своеобразная «идея», объединявшая трактовки, заключалась в том, чтобы благодаря проведенному сравнению выявить бессодержательность нового «наречия» (слова в котором теряют свой изначальный смысл), а значит, бессмысленность, бесчувствие самих «новых людей», этим наречием говорящих. Слов рассматривалось совсем немного: «Ах», «Бесподобно», «Болванчик», – однако приведенные статьи давали возможность исчерпывающей характеристики не только «щегольского наречия», но и всего «щегольского народца», не способного ни к серьезной мысли, ни к глубокому чувству, не способного любить и быть любимыми.

Возможности подобной словарной формы, обыгранной в духе культурологической «штудии», оказались довольно популярны и в современной культуре – так, М.Кронгауз проводит интересное сопоставление подобных публикаций в изданиях последних лет – см. книги Кати Метелицы «Лбюовь», «Азбука жизни», а также «Словарь модных слов» В.Новикова, «Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям» С.Чуприна и др.⁶ Исследователь делает вывод о причинах популярности подобной формы и о

⁴ Впервые опубликован в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований», ч. 2. М., 1791. С. 275-292.

⁵ Впервые опубликован в Собрании сочинений Якова Княжнина, т. 5. М., 1803. С. 293-321.

⁶ См.: Кронгауз М. Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить // Новый мир. 2007. № 6.

ее не столько эстетических, сколько именно культурологических возможностях: «мир лучше познается через слова. Можно называть их модными, можно – ключевыми. Мы запоминает не объемные события или сложные понятия, а отдельные слова, своего рода ярлыки для всевозможных явлений, и именно эти ярлыки храним в своей памяти, общественной или индивидуальной. <...> Задача отдельного автора состоит не в том, чтобы их придумать, а в том, чтобы их отыскать в языке и культуре, вспомнить самому и тем самым вызвать ответную реакцию у читателя».

Сопоставление принципов составления подобных «словарей», их места в общей культуре эпохи, их потенциала в раскрытии как личности «составителя», так и в характеристике тех явлений, что раскрываются в словарной форме, – интересная и перспективная задача современного литературоведения.